

ЕВРАЗИЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ ¹

Гунджи АБЭ*

Константин ЖУКОВ**

Нельзя замалчивать евразийскую правду. Но
нужно сразу и прямо сказать - это *правда*
вопросов, не правда ответов...

Г. Флоровский. "Евразийский соблазн".

Границы нашего слуха. Слышат только те
вопросы, на которые в состоянии найти
ответ.

Ф. Ницше. "Веселая наука".

В Японии интерес к "восточному направлению русской культуры" проявлялся в различных формах. Из-за обширности этой темы ограничимся тем, что приведем несколько примеров. Прежде всего напомним, что уже в 1926 г. был выпущен японский перевод сочинения Н. С. Трубецкого *Европа и человечество* ². Как известно, в этом труде, опубликованном в Софии в 1920 г., основоположник евразийства впервые обосновал свои культуроцентричные взгляды, а также описал изъяны так называемой "скачущей эволюции" неевропейских народов. Другим ярким примером может послужить художественный фильм "Дерсу Узала", снятый в 1975 г. известным кинорежиссером Акиро Куросавой по одноименному произведению русского исследователя Дальнего Востока В. К. Арсеньева.

Отметим также, что обнародование в 1997 г. новой японской внешнеполитической концепции, получившей название "Евразийская дипломатия", придало дополнительный

* Professor, Institute of Modern Languages and Cultures, University of Tsukuba

** Ex-Visiting foreign Research Fellow, University of Tsukuba

¹ Данная публикация подготовлена благодаря гранту, предоставленному Heiwa Nakajima Zaidan. Оценки и взгляды, представленные в настоящей статье, принадлежат исключительно ее авторам.

² Перевод был сделан Сабуро Симано (Tsubetsukoi-cho. Seiobunmei to jinrui no shorai. - Tokyo: Kochischa Suppanbu hakko, 1926). Знакомство японцев с русской географической мыслью началось гораздо раньше: в 1874-1876 гг. в Токийском университете читал лекции Л. И. Мечников, географ и социолог, брат знаменитого русского ученого И. И. Мечникова. В рамках нашей темы следует упомянуть также тот факт, что одним из активных участников русского евразийского движения в 1920-х гг. был П. Н. Малевский-Малевиц, сын бывшего царского посла в Японии.

импульс интересу японцев к евразийским мотивам в русской культуре и общественной мысли.

1

В предлагаемой статье будут рассмотрены три взаимосвязанных вопроса, а именно: 1) уровень освоенности интеллектуального наследия евразийцев современной российской общественной мыслью; 2) формы бытования концепций евразийской направленности в нынешнем идеологическом спектре; 3) перспективы актуализации евразийских идей в связи с поисками новой интегративной идеологии для России³.

Напомним, что классическая евразийская доктрина сложилась в среде русской эмиграции в 1920-е годы. Виднейшими представителями евразийцев были лингвисты Н. С. Трубешкой и Р. О. Якобсон, правовед Н. Н. Алексеев, историософы и богословы Л. П. Карсавин и Г. В. Флоровский, музыковед П. П. Сувчинский, географ и экономист Н. П. Савицкий, культуролог В. Н. Ильин, литературовед Д. П. Святополк-Мирский, историк Г. В. Вернадский.

Не будет преувеличением сказать, что еще лет двенадцать назад знакомство среднего русского интеллигента с феноменом евразийства в основном ограничивалось образами, почерпнутыми из романа Л. Никулина *Мертвая зыбь* и снятого по этой книге сериала *Операция "Трест"*. Только в последние годы перестройки ситуация стала меняться. Хороший срез тогдашнего интеллигентского сознания дают материалы конференции *Евразийская идея: вчера, сегодня, завтра*, состоявшейся в Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО в 1990 г.⁴

За прошедшее десятилетие в России увидели свет работы многих авторов-евразийцев; в эти годы проводились представительные научные конференции; ведущими философскими, историко-литературными и политологическими журналами устраивались "круглые столы", посвященные евразийству, а сам термин прочно вошел в лексикон как российских, так и зарубежных политиков.

Каковы же нынешние восприятие, понимание и трактовка евразийства? Ниже мы попытаемся порассуждать на эту тему, а пока, имея в виду тот факт, что евразийство является одним из слоев того огромного массива свободной русской мысли, который

³ Об этих поисках см. нашу работу: *О поисках новой национальной идеи в России // Annals of the Japanese Association for Russian and East European Studies*, 1996, vol. 25. P. 107-118.

⁴ Материалы дискуссии опубликованы в: *Иностранная литература*, 1991, № 12. С. 213-228.

лишь сейчас становится доступным широкому читателю в России, обратимся к мнениям двух авторитетных авторов. Это Ю. С. Пивоваров и С. С. Хоружий. Первый из них пишет: "Русская мысль перешла во фронтальное наступление и ... обнаружила свое бессилие и никому-не-нужность. [...] То ли спрос превысил предложение, то ли предложение оказалось не по зубам. Именно это и хотелось бы прежде всего выяснить. То есть: 1) почему русское общество не сумело прочесть, т. е. усвоить и освоить, русскую мысль? 2) почему русская мысль не смогла стать "живой волей" для русского общества? 3) что же все-таки может нам дать сегодня русская мысль, иными словами, зачем и для чего она?"⁵. Пивоваров отвечает (частично) только на первый из сформулированных им же вопросов следующим образом: "... в определенном своем измерении русская мысль есть коллективный опыт самопознания России. Ее можно квалифицировать как саморефлексию культуры. И в этом качестве она может сослужить нам великую службу. Думаю, что одним из наиболее перспективных подходов к выработке нового, адекватного "месту и времени", *типа исторического понимания, понимания прошлого* Родины, является изучение той совокупности образов России (их смены, взаимозависимости, предпосылок возникновения, причин отмирания, их трансформации и т. д.), которая была создана нашей мыслью в XIX-XX столетиях. Но самое главное здесь - фальсификация этих образов (в смысле "критического реализма" К. Поппера). Отнюдь не исключено, что в ходе подобного исследования мы получим неожиданные результаты, которые заставят по-новому взглянуть на историю отечества и русскую мысль. Смею предположить, что фальсифицируемыми окажутся не только образы России, но и те мифы, в том числе и современного происхождения, которые сложились по поводу и вокруг русской мысли." Автор предлагает изучать русскую мысль "*... в рамках складывающейся теории Русской системы, в рамках формируемого россиеведения. А не в контексте западной философии*". Одобрительно отзываясь о работах Е. В. Барабанова и Б. Гройса, в которых применяется метод психоанализа, Пивоваров справедливо обращает внимание на односторонность этих авторов, чреватую навязыванием нового мифического образа русской мысли и культуры: "... они не сумели объяснить феномен русской мысли из нее самой. [...] До известной степени Гройс и Барабанов сделали шаг назад по сравнению с Лосским, Флоровским и особенно Зеньковским. Ведь тот же Василий Васильевич Зеньковский, хоть и наводил на

⁵ Пивоваров Ю. С. Русская мысль, Система русской мысли и Русская система (опыт критической методологии). Статья первая. // Русский исторический журнал, 1998, т.1, № 1. С. 88.

русскую мысль объективы различных философских школ Запада, все же немало внимания уделил выявлению ее субстанции, самости и своеобразия”⁶.

В чем же своеобразии русской философии? Вопрос сложный, особенно если вспомнить соловьевскую оценку трудов русских мыслителей: “... все философское в этих трудах вовсе не русское, а что в них есть русского, то ничуть не похоже на философию, а иногда и совсем ни на что не похоже”⁷. Для адекватного понимания субстанции русской мысли предлагается, как мы видели выше, разработка новой формы научной рефлексии: “То, что было сделано в XIX в. в сфере художественного, образного познания, художественной авторефлексии, и то, как это было сделано, теперь предстоит сделать в сфере рационального понятийного знания посредством и на основе россиеведения - интеллектуального наследника великой русской литературы, или ... нового этажа Пушкинского, а точнее Карамзинского Дома. Карамзинского не только потому, что именно Карамзин стал последним из отцов -создателей русского языка, но и потому, что он первым, хотя и для частного случая, сформулировал принцип, который мы называем россиеведческим. Споря с ... М. М. Сперанским по поводу того, в соответствии с каким правом должна жить Россия, Карамзин писал: “Русское право так же имеет свои начала, как и римское, определите их, и вы дадите нам систему законов”. Задача, поставленная Карамзиным, - определить начала русского права - есть частный случай более широкой задачи, а именно определения начал русской истории из нее самой, из ее опыта, а не из опыта французского феодализма или английского капитализма. Речь, таким образом, идет о рациональном самопознании в понятиях, имманентных собственному историческому опыту, а не привнесенных извне”⁸.

Согласившись с Карамзиным и Пивоваровым, подкрепим эти рассуждения авторитетом О. Шпенглера: “Римлянин и грек всегда были склонны вчитывать в чуждые им события жизненные условия своего собственного полиса, современный европеец повсюду смотрит на чужие судьбы сквозь призму понятий “конституция”, “парламент”, “демократия”, хотя применение таких представлений к другим культурам смехотворно и бессмысленно, а член иудейского consensus'a следит за историей современности, представляющей собой не что иное, как распространившуюся по всем частям света и

⁶ Там же. С. 89-92, 114.

⁷ Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. - М., 1989. т. 1. С. 345.

⁸ Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению). // Русский исторический журнал, 1998, т.1, № 1. С. 66.

морям фаустовскую цивилизацию, с глубинным чувством магического человека, - даже тогда, когда он убежден в западноевропейском характере своего мышления”⁹. Добавим, что применительно к российской ситуации этот вопрос разрабатывался в великой русской книге Н. Я. Данилевского *Россия и Европа* (1869 г.)¹⁰.

Данилевский, в частности, отмечал, что в России “заимствование номенклатурное” (т. е. бездумное использование западной терминологии. - Г. А., К. Ж.) производит существенную путаницу, поскольку “высшие общественные классы, привыкшие жить умственно чуждою жизнью, невольно переносят вычитанные и высмотренные ими европейские идеалы на действительную жизнь, приурочивая их к нашим общественным явлениям, тождественным по названию, данному на основании самой поверхностной аналогии”¹¹. Позже об этом же явлении писал И. Л. Солоневич, замечая, что русская историография за отдельными и почти единичными исключениями “есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения. [...] ... в русское понимание русской действительности был искусственно, иногда насильственно, введен целый ряд понятий, которые, по формулировке В. О. Ключевского, “не соответствовали ни русской, ни иностранной действительности”, [...] ... социальный заказ победившего социального строя (не важно, будь то “диктатура дворянства”, либо “диктатура пролетариата”. - Г. А., К. Ж.), понятия не соответствовавшие никакой действительности в мире, язык, в котором не было места для обозначения чисто русских явлений, - все это

⁹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. - М., 1998, т. 2. С. 334-335.

¹⁰ Данилевский Н. Я. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Романо-германскому.* - СПб., 1995, 6-ое изд. О Данилевском и его сочинении см. очерк Ю. С. Пивоварова *Вполне русский и национальный человек* в его же кн.: *Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX-первой трети XX столетия.* М., 1997. С. 149-205. Пивоваров, однако, делает ошибку, когда говорит об английском переводе сочинения Данилевского (там же. С. 156): в 1966 г. Ю. Иваском в США был осуществлен лишь репринт русского издания *Россия и Европа*. Насколько нам известно, английского перевода этого сочинения нет до сих пор, хотя, по оценке авторитетного западного ученого, “... в XIX в. оригинальнейшим и наиболее эрудированным русским специалистом в области истории философии был Николай Яковлевич Данилевский. Его сложная и трудная для понимания система историософской мысли представляет собой изящную и прочно сотканную комбинацию онтологического, эпистемологического и социологического походов. Очень немногие из русских мыслителей XIX столетия были ему под стать по оригинальности мысли и отстраненности от западных философских моделей. Причина же в целом недружелюбного приема его идей современниками, а также последующими поколениями крылась не столько во внутренней логике его мысли, сколько в непопулярности его идеологических воззрений” (Vucinich A. *Social Thought in Tsarist Russia. The Quest for a General Science of Society, 1861-1917.* - Chicago, 1976. P. 96).

¹¹ Данилевский Н. Я. Ук. соч. С. 243-244.

привело к тому, что любой труд по истории России переполнен сплошными внутренними противоречиями..."¹².

Возвращаясь к выводу Ю. С. Пивоварова относительно необходимости выработки нового категориального аппарата, следует его всячески приветствовать, поскольку, как мы только что имели возможность убедиться, проблема эта была обозначена уже достаточно давно. Представляется, однако, что этим дело не может ограничиться, поскольку предмет исследования весьма специфичен: вель, как известно, "Умом Россию не понять..." (Ф. Тютчев). И это выводит нас на проблему "живого знания", которое, как писал (продолжая традицию И. Киреевского) С. Л. Франк, "возможно лишь при внутреннем сродстве объекта с субъектом и в меру этого сродства"¹³.

Второй из названных нами авторов, а именно С. С. Хоружий - крупнейший на сегодня знаток предмета - недавно выступил с докладом, который может быть назван "реквиемом русской религиозной философии". Прежде всего он оговаривается, что формула "христианская философия в России" более корректна, чем широко распространенный термин "русская религиозная философия", и тем самым сразу определяет свою позицию, приходя в финале к идее *воссоединения Европейского Разума*. Хоружий констатирует, что конституция русской философии как *bona fide* историко-философского феномена никогда не была полностью осуществлена. Тем не менее (на основании убеждения, что нового творчества уже не происходит) этот феномен объявляется безжизненным телом, а его судьба охарактеризована краткой формулой: *несбывшиеся надежды* - формулой, которая к тому же оказывается верной для всех сфер жизни посткоммунистической России. Хоружий отмечает: "... этой философии приписывались ... почти неограниченные потенции двоякого рода: она мыслилась источником и философской, и общественной истины, одновременно духовной мудростью и решением острых социальных проблем. [...] Казалось несомненным, что едва Россия станет свободной, она найдет в этих текстах готовую основу для постсоветского сознания, для мировоззрения нового демократического общества"¹⁴. Взгляд

¹² Солоневич И. Л. Народная монархия. - М., 1991. С. 28. Понятно, что такой тип сопоставления-характеристики, как, например: Леонтьев - это русский Ницше; евразиец Н. Н. Алексеев - это русский Карл Шмитт, в содержательном плане дает весьма мало.

¹³ См., например, Бредихина О. Н. Русское мировоззрение: восстановимы ли традиции? - Мурманск, 1997. С. 93.

¹⁴ Хоружий С. С. Путем зерна: русская религиозная философия сегодня // Вопросы философии, 1999, № 9. С.140-141.

любопытный: где и когда философские тексты формировали основу массового сознания (в советский период даже вульгарный марксизм был непосилен основной массе населения), каким образом антибуржуазная философия могла стать основой мировоззрения свободного демократического общества и пр.? Далее мы узнаем, что режим Ельцина "... пытался все же создавать новую идеологию на базе русской религиозной философии. [...] Однако попытки остались безуспешными. В пору упадка, - пишет С. С. Хоружий, - в кризисных и катастрофических условиях общественное сознание избирает лишь самые привычные, упрощенные, либо крайние позиции: и это прежде всего национализм и фундаментализм, соединяемые с традиционной обрядовой церковностью. Такие позиции бытуют и возникают сегодня в различных версиях, с разными градациями экстремизма, и чаще всего они также заимствуют отдельные выдернутые идеи русской религиозной философии. В итоге ее наследие оказывается не отброшенным целиком, но подвергаемым идеологической селекции и эксплуатации. Наиболее пригодными и популярными для этой огрубляющей эксплуатации стали философия Ивана Ильина и учение евразийцев. Особое влияние приобрела евразийская доктрина: ставящая в центр идеи геополитики, отмеченная сильными чертами изоляционизма и ксенофобии, она оказывается созвучной кризисному сознанию, и в разных своих частях, разных версиях используется сегодня почти всеми силами оппозиции режиму Ельцина, от коммунистов до фашистов." Невеселая получается картина. Поэтому вывод автора закономерен: "Можно сказать, пожалуй, что идеи русской религиозной философии оказались чрезмерно хороши для постсоветской России. [...] Ни система идей, ни система ценностей русской религиозной философии не имеют сегодня шансов быть принятыми" ¹⁵.

Точно так же в свое время эти идеи оказались слишком хороши для царской, и уж тем более для советской России. Однако повод ли это для того, чтобы впасть в уныние? И виновата ли в этом Россия? Вель история пока еще не кончилась. Кроме того, правомерен вопрос, а есть ли такая система (русская религиозная философская система)? "Системы, - отмечает В. Н. Ильин, - явление очень редкое в России. [...] В сущности, системы после себя оставили только три русских мыслителя: Н. О. Лосский, С. Л. Франк и о. Сергей Булгаков..." ¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 142.

¹⁶ Ильин В. Н. Эссе о русской культуре. - СПб., 1997. С. 416. Заметим, что многие основополагающие труды этого автора-евразийца до сих пор не опубликованы (Там же. С. 34, а также: Ильин В. Н. Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы, т. 1. Проза. - Сан Франциско, 1980. С. 3). А. Либман полагает, например, что первым шагом на пути

Концепция культурно-исторических типов, разработанная Н. Я. Данилевским, подразумевает существование множественности форм и способов мышления. Собственно русская философия имела свой уникальный предмет философии, "поскольку каждая культура обладает особым видением бытия и [...] конструирует свое проблемное поле"¹⁷. Вряд ли оправданно объявлять своего рода венцом русской философии достижения С. Л. Франка¹⁸, С. Л. Рубинштейна¹⁹ или В. В. Розанова²⁰. Наследие русских философов велико и разнородно. Прежде чем ожидать творчества нового, необходимо пройти очень длительный этап освоения и усвоения этого богатства²¹. И на этом пути исключительные заслуги С. С. Хоружего всеми признаны и неоспоримы.

систематического исследования евразийского учения должно явиться издание книги В. Ильина *По историософии культуры (Евразийство)* (см. *The Legacy of Genghis Khan and other essays on Russia's identity / Nikolai Sergeevich Trubezkoy; edited, and with a postscript by Anatoly Liberman; preface by Viacheslav V. Ivanov. - Ann Arbor, 1991. P. 358*).

¹⁷ Поляков Л. В. Философия в России, или русская философия // Вопросы философии, 1988, № 9. С. 94.

¹⁸ Пивоваров Ю. С. Русская мысль. С. 93.

¹⁹ Бредихина О. Н. Ук. соч. С. 116.

²⁰ Здесь мы должны привести точку зрения, согласно которой основателем русской философии и единственным первоклассным русским философом-профессионалом является В. В. Розанов (обоснование дано в книге: Д. Галковский. *Бесконечный тупик*. - М., 1998, 2-ое изд.). В этом отношении интересно также замечание Л. П. Карсавина, который со ссылкой на книгу Штейнберга о Достоевском (Штейнберг А. З. Система свободы Ф. М. Достоевского. - Берлин, 1923) утверждает, что в России были потенции своей философии и своего философского стиля вне "так называемой философии". "Соловьев. Флоренский. Лосев по стилю и содержанию своего философствования - настоящие немцы," - писал Карсавин в 1929 г. (Карсавин Л. П. Философия и В. К. П. По поводу статьи А. В. Кожевникова // Вопросы философии, 1992, № 2. С. 76).

²¹ Когда профессиональный современный философ, рассуждая о концепции Данилевского (Вопросы философии, 1995, № 6. С. 111), вместо "четырёхосновный" культурно-исторический тип, говорит "пятисоставный" (просторечное название пенталгина - популярного средства от головной боли), то это не случайная оговорка: головы действительно болят. В нашем сегодняшнем восприятии русской религиозной философии, помимо всего прочего, сказываются и особенности советского образования. Несомненно, культурные достижения Серебряного века во многом были плодом системы классического образования, причем основная роль принадлежала не столько его историко-культурному компоненту, сколько предметам методическим - предметам, имеющим формальное значение, а именно: математике и латинскому языку, последнему - в первую очередь (о двух типах образования см. Розанов В. В. *Сумерки просвещения*. - М., 1990. С.239-246). Надо также признать, что до сих пор на русском языке нет цельного очерка истории русской культуры. Такая работа должна делаться одним человеком, что заведомо исключает распространенный жанр "коллективной монографии". К слову, в свое время такую попытку предпринял американец, честь ему и хвала! (Billington J. H. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. - New York, 1967). Понятно, что в данном случае мы обращаем внимание на сам подход, на дерзание, так сказать. Конечно, как драгоценный опыт синтетического исследования по истории русской мысли следует здесь упомянуть книгу "Пути русского богословия", опубликованную Г. Флоровским в Париже в 1937 г.

Что же касается евразийства, то его популярность в современной России не в последнюю очередь объясняется тем обстоятельством, что евразийцы с самого начала ставили целью создание системы идей, которой должна была соответствовать и система практических действий²². Кстати, во многом своим прикладным характером привлекательны в нынешней ситуации также и взгляды И. А. Ильина (в данном случае мы отвлекаемся от вопроса, плохи эти идеи или хороши).

Представляется, что прежде чем говорить о евразийстве в его различных вариантах, необходимо определить место классического евразийства в общем русле течения русской мысли. Здесь мы снова вынуждены не согласиться с мнением С. С. Хоружего, согласно которому евразийство явилось антитезисом русскому ренессансу Серебряного века (сущностью которого, как пишет автор, было Славянское Возрождение)²³. Ведь евразийское учение генетически было связано не только с русским органицизмом, идеями Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского, но и с веховством и, особенно, - путейством (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, В. И. Иванов, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, В. Ф. Эрн и др.). С. Н. Булгаков, например, отмечал, что "... московское религиозно-философское общество и группа "Пути" без всякого преувеличения являются духовными отцами евразийства"²⁴.

Основная идея евразийцев восходит к Сократу и заключается в том, что самопознание есть единственная и наивысшая цель человека на земле. Самопознание есть проблема и этики, и логики; оно есть столько же дело правильного мышления, сколько и дело нравственной жизни. Внешним образом истинное самопознание выражается в гармонически самобытной жизни и деятельности данной личности. Для народа - это самобытная национальная культура²⁵. Евразийцы оперировали не только понятием частночеловеческой, но и многочеловеческой, многонародной, "симфонической" личности. По мнению Н. С. Трубецкого, отсутствие персонологии - особой науки о личности являлось существенным пробелом в европейском научном мышлении, которое именно благодаря этому пробелу оказалось неспособно построить настоящей системы

²² См. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. / Сост. В. М. Живова; вступ. ст. Н. И. Толстого и Л. Н. Гумилева. - М. 1995. С. 109.

²³ Хоружий С. Судьба славянофильской идеи в двадцатом веке / Евразийская перспектива. Второй Международный конгресс "Культура и будущее России". - М., 1994. С. 6-13.

²⁴ Цит. по: Голлербах Е. А. К незримому граду: Религиозно-философская группа "Путь" (1910-1919) в поисках новой русской идентичности. - СПб., 2000. С. 436.

²⁵ Трубецкой Н. С. Ук. соч. С. 115-119.

наук. Предметом исследования евразийцев стала многонародная личность в соединении с ее физическим окружением - Евразия. Научные задачи евразийства не исчерпывались описательными исследованиями. Евразийцы стремились создать единую систему наук, подчиненных персонологии, а также системы философии и богословия. "Таким образом, - писал Трубецкой, - вместо энциклопедии, т. е. анархического конгломерата друг с другом не согласованных научных, философских, политических, эстетических и т. д. идей, должна быть создана стройная и согласованная система идей. А этой системе идей должна соответствовать и система практических действий" ²⁶.

Таким образом, это был поиск цельного знания, единого мирозерцания. Этот порыв был также следствием ясной осознанности (ощущение и даже понимание у многих было раньше) того, что А. А. Блок назвал "крушением гуманизма" ²⁷. В этом смысле символично, что и Н. С. Трубецкой, и А. А. Блок относят оформление своих взглядов к 1909-1911 гг., ²⁸ то есть к периоду, предшествующему и Первой мировой войне, и русской революции. Разбор вопросов генезиса евразийского движения ²⁹ вывел бы нас далеко за рамки настоящего обзора, поэтому здесь мы ограничимся только тем, что заявим свою позицию: мы не можем согласиться с весьма распространенной и до сих пор популярной трактовкой евразийства как исключительно реакции (в том числе эмоциональной) на эти два события ³⁰.

Обратим внимание еще на один важный момент: учение евразийцев было попыткой думать по-русски. Обычно, когда пытаются охарактеризовать особенности русского

²⁶ Там же. С.107-109.

²⁷ Блок А. Крушение гуманизма / Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. - Л., 1982. С. 327-347.

²⁸ См. письмо Н. С. Трубецкого Р. Якобсону от 7 марта 1921 г. в: N. S. Trubezkoy's Letters and Notes. Prepared for publication by Roman Jacobson with the assistance of H. Baran, O. Ronen, and Martha Taylor. - The Hague, 1975. P. 12. Относительно обстоятельств и времени создания поэмы "Возмездие" А. Блок говорит в предисловии к третьей части поэмы, замечая, что концепция возникла под давлением все растущей в нем "ненависти к различным теориям прогресса" (Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем в 20-ти т. Т. 5. - М., 1999. С. 48-50). Кстати, в своей "ненависти к прогрессу" А. Блок очень близок К. Н. Леонтьеву. Начало первой главы "Возмездия" местами кажется поэтическим переложением леонтьевских инвектив.

²⁹ Некоторые соображения нами были высказаны в статье: On the roots of Eurasianism: the epilogue of Leo Tolstoy's *Anna Karenina* and *Byzantinism and Slavdom* of Konstantin Leontiev // Studies in Languages and Cultures (Institute of Modern Languages and Cultures, University of Tsukuba), 2000, vol. 52. P. 241-262.

³⁰ Этот момент очень важен, поскольку именно такое понимание феномена евразийства было присуще даже некоторым ученым, работавшим в русле евразийской проблематики, например, Р. Якобсону (см. The Legacy of Genghiz Khan. P. 354) и Л. Н. Гумилеву (Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 31).

мышления, отмечают, в первую очередь, его интуитивизм, стремление к целостности, онтологизм и пр.³¹. Для нас вопрос в данном случае заключается в том, как эти и другие особенности русского мышления выразились в национальной науке. Интересные рассуждения о народном характере науки можно найти у предшественников евразийцев - Данилевского³² и Леонтьева³³. Для самих евразийцев вопрос о возможности существования национальной науки был решен: "Каждый, кто работал в области русской географии и русской историософии, знает, сколь мощную и насыщенную традицию являет каждая из них. И потому, нужно думать, в русской географии³⁴ и русской историософии легче создается и новое - ибо новое бывает традиционным, составляет новое звено идущей в глубину цели... Какой контраст с состоянием, например, русской политико-экономической отрасли! Несмотря на существование огромного количества книг на русском языке, посвященных политико-экономическим предметам, в вопросах теоретической политической экономии до сих пор нет русской науки... Основные теоретические проблемы хозяйства *еще не продуманы по-русски* (курсив наш. - Г. А., К. Ж.)"³⁵.

В связи с этим можно привести мысль В. И. Вернадского, который указывал на связь отечественной науки "с той вековой работой, которую совершили русские землепроходцы открытием северной Азии, северных морей и пролива, отделяющего Евразию от Америки. Несомненно, - пишет Вернадский, - эта работа старых веков, XV - XVII, была по своим научным последствиям столь же высокой важности научным

³¹ См., например, Франк С. Л. Русское мировоззрение. - СПб., 1996. С. 161-195.

³² Данилевский Н. Я. Ук. соч. С. 109-135.

³³ Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872-1891) / Общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В. И. Косика. - М., 1996. С. 502-506.

³⁴ П. Н. Савицкий отмечает ботанически-почвенный уклон русской географической науки, в отличие от геоморфологического уклона, присущего географии европейской. Как о гордости русской географии он пишет, во-первых, о науке почвоведения, созданной Докучаевым и Сибирцевым и, во-вторых, о создавшейся в русской среде биосоциально-географической науке лесоведения. По Савицкому, русская географическая наука - своеобразный мир со своим языком и "поэзией понятий" (Савицкий П. Н. Континент Евразия. - М., 1997. С. 248, 286-288). Подобные оценки можно было отнести и к другим научным дисциплинам, например, к востоковедению. Великий русский востоковед В. В. Бартольд писал в 1920-х гг.: "... в России отношение к Востоку и связанное с ним изучение Востока развивались особыми путями, не утратившими своего значения даже после подчинения русской науки западноевропейской. Мне и теперь кажется, что изучение Востока в России в гораздо большей степени, чем "русская географическая наука", представляет "особый научный мир" (там же. С. 428).

³⁵ Савицкий П. Н. Ук. соч. С. 294.

достижением, как то раскрытие карты мира, какое совершено было моряками Запада ХУІ - ХУІІІ столетий”³⁶.

На этом фоне легко представить себе незавидное положение русского политэгонома, поскольку, как афористично писал В. В. Розанов, “в России вся собственности выросла из “выпросил” или “подарил”, или кого-нибудь “обобрал”. Труда собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается”³⁷. Но, правда, это лишь одна из сторон реально существующей проблемы. Поясним нашу мысль примерами из рассуждений Н. А. Бердяева об истоках русского коммунизма: “Русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности всегда отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку. И это, конечно, было более христианское сознание. [...] У пророков, в Евангелии, в апостольских посланиях, у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых, отрицание собственности, утверждение равенства всех людей перед Богом. У Св. Василия Великого, и особенно у Св. Иоанна Златоуста, можно встретить такие резкие суждения о социальной несправде, связанной с богатством и собственностью, что перед ними бледнеют Прудон и Маркс. Учителя церкви сказали, что собственность есть кража”³⁸.

Само понятие *собственности* в русском праве возникло не ранее ХУІІІ в. До тех пор оно заменялось словом “владение”, “вотчина”. Даже в праве императорского периода не было установлено точного различия между владением и собственностью, а в народных представлениях понятия эти совершенно не различались. Замена идеи “собственности” “владением” указывает на то, что в русском праве личности не приписывалась безусловная сила присвоения. Присваемое принадлежало не только тому, кто наложил руку, но принадлежало оно также Богу и государству. “Придать этим воззрениям научную форму выражения, - писал евразиец Н. Н. Алексеев, - составляет почтенную задачу будущей нашей науки”³⁹. Представляется, что подлинно русской могла бы быть только система хозяйствования, основанная на принципе нестяжательства.

³⁶ Вернадский В. И. Памяти академика К. М. Бэра / Прометей, т. 15. - М., 1988. С. 314-315. Заметим, что эпоха великих географических открытий закончилась лишь в январе 2000 г., когда российскими океанографами была завершена новая карта рельефа дна Северного Ледовитого океана (см. СПб. Ведомости, 21 января 2000. С. 1).

³⁷ Розанов В. В. Опавшие листья. - М., 1992. С. 41.

³⁸ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990. С. 49-50, 139-140.

³⁹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. - М., 1998. С. 202-203.

Возможность построения такой системы теоретически признавалась Н. Алексеевым, но, заметим, только в условиях постиндустриального общества ⁴⁰.

Наконец, остановимся еще на одной особенности евразийского мирозерцания, а именно - идеократии. Как писал В. Н. Ильин, "марксо-коммунизм и евразийство широко открыли нам глаза еще на один способ, или, если угодно, стиль управления страной - именно путем идеологической информации масс или ... путем идеологического их инструктирования... [...] Такой образ воздействия на человека ... мы назовем *идеократией*" ⁴¹.

Понятно, что в условиях постсоветской действительности такое имманентное свойство классической евразийской доктрины *теоретически* может превратить ее в серьезного конкурента не только марксизму, но и современной западной идеологии.

В целом же, по убеждению Ильина, "«евразийское наукоучение» это не только одна из самых точных наук, но в то же время одно из самых широко развернутых обобщений и углублений, когда-либо существовавших. Этим объясняется, что евразийство не только нельзя считать отжившим учением, но, наоборот, его надо считать находящимся в состоянии временного анабиоза, с самыми благоприятными и обнадеживающими перспективами...", - писал В. Н. Ильин в 1973 г. ⁴².

2

Перейдем теперь к обзору тех типов и разновидностей евразийства, которые бытуют в современной России. Сразу оговоримся, что мы не претендуем на полноту анализа. Наша задача - по возможности, выделить показательные черты в существующих интерпретациях классического евразийства, и, кроме того, уловить особенности трактовки евразийской проблематики различными идейными течениями.

С. Е. Кургинян, критикуя известный "евразийский проект" казахского президента Н. Назарбаева, выделяет пять типов евразийства: 1) старое русско-имперское евразийство; 2) превращенная форма этого же евразийства "в духе апологетики Золотой Орды и объявления Орды эталоном строительства Российского государства"; 3) евразийство академика А. Д. Сахарова; 4) неонацистское евразийство; 5) евразийство как

⁴⁰ Там же. С.207-209, 265, 280-281.

⁴¹ Ильин В. Н. Евразийство // Ступени. 1992, № 2(5). С. 63.

⁴² Там же.

социалистическо-коммунистический проект⁴³. Сходной классификации придерживается также С. Ключников, добавляя в этот ряд еще мистическое евразийство Рерихов⁴⁴.

Ниже мы рассмотрим некоторые характерные черты ряда этих типов:

1) Сахаровские идеи были воплощены в его проекте *Конституции Союза Советских республик Европы и Азии*. В леволиберальном лагере особую симпатию вызвала ст. 12 проекта, провозглашавшая: "Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма". Л. М. Баткин так откомментировал эту статью: "Таким образом, наша страна никогда больше не будет претендовать на некую особую ведущую роль спасительницы и благодетельницы остального мира. Политический мессианизм любого толка (большевистский, православно-шовинистический, исламско-фундаменталистский и т. д.) запрещен конституционно"⁴⁵.

Представляется, что вместо того, чтобы превращать в пугало проблему русского мессианизма, следовало бы изучить историю вопроса. Хорошим помощником в этом смысле может стать, например, Н. Бердяев, который показал, что "мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это универсальное сознание". "Все великие народы проходят через мессианское сознание, - писал Бердяев, - [...]. В христианской истории нет одного богоизбранного народа, но разные народы в разное время избираются для великой миссии, для откровений духа. В России давно уже нарождалось пророческое чувство того, что настанет час истории, когда она будет призвана для великих откровений духа, когда центр мировой

⁴³ Кургинян С. Содержание нового интеграционизма: модели евразийского содружества и их соответствие интересам России // Независимая газета, 7 июля 1994. С. 5

⁴⁴ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев / Сост., вступ. ст. и примеч. С. Ключникова. - М., 1997. С. 65-66. Не умаляя в целом достоинств этого сборника, отметим все же некоторую небрежность справочного аппарата. Вот один из примеров: Голохвастов, упомянутый в статье Д. П. Святополка-Мирского в одном ряду с В. Далем, трактуется в примечаниях как "Голохвастов Василий - малоизвестный писатель ХУШ века" (Там же. С. 341, 467). Между тем, речь у Мирского идет об известном славянофиле, исследователе русских былин П. Д. Голохвастове (1838-1892). Помимо всего прочего, Голохвастов являлся автором знаменитого проекта созыва Земского собора в 1882 г. (см. Глинский Б. Б. Константин Петрович Победоносцев (материалы для биографии) / К. П. Победоносцев: pro et contra. Вступ. ст., сост. и примеч. С. Л. Фирсова. - СПб., 1996. С. 412). О Голохвастове как об одном из возможных прототипах Голенищева в романе Л. Н. Толстого "Анна Каренина" см. нашу статью On the roots of Eurasianism.

⁴⁵ Конституционные идеи Андрея Сахарова. Сб. / Сост. Л. М. Баткин. - М. 1990. С. 6, 28. Вряд ли кто будет спорить, что, например, США всегда были и до сих пор остаются мессианской нацией (см. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. - New York, 1996. P. 183-184). Однако никому не приходит в голову выступать с конституционными поправками по этому поводу.

духовной жизни будет в ней. Это не еврейский мессианизм. Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно лишь продолжение и восполнение дел, сотворенных всеми народами христианского мира”⁴⁶. Бердяев подчеркивает, таким образом, что христианское мессианское сознание не может быть утверждением того, что один лишь русский народ имеет великое религиозное призвание: “Такая юдаизация христианства возвращает нас от Нового Завета к Ветхому Завету. [...] Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства”⁴⁷. Позже один из лидеров евразийцев (в ответ на критические замечания Н. А. Бердяева) заявлял, что для евразийцев неприемлемо утверждение равноправности и равноценности всех христианских исповеданий. “Православие не только “восточная” форма христианства, но и единственная вселенская Церковь . [...] Тем самым утверждается не только множественность самобытных культур, но и их иерархия, ныне венчаемая православною евразийско-русскою. [...] Для нас Православие универсалистично, но только в том смысле, что православная Евразия и православная Россия будет гегемоном культурного мира, если она всецело раскроет себя. [...] И нам важно говорить прежде всего о русском, делать прежде всего русское дело”, - утверждал Л. П. Карсавин⁴⁸.

Как правило, рассуждающие на тему русского мессианизма обращаются к Ф. М. Достоевскому, который в *Бесах* объявил устами Шатова: “Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в одном и именно исключительно), если не верует, что он один способен и призван всех воскресить и спасти своей истиной, то он тот час перестает быть великим народом и тот час же обращается в этнографический материал, а не в великий народ. Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенной ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою. Кто теряет эту веру, тот уже не народ. Но истина одна, а стало быть, только единый из народов и может иметь бога истинного, хотя бы остальные народы и имели своих особых и великих богов”. Таков был “иудаизм” Достоевского. А. З. Штейнберг следующим образом комментирует эти слова: “Словно из глубины тысячелетий, из седой ветхозаветной старины доносятся они до нас, и кажется, будто говорит их не русский человек о русском народе, а библейский кулесник о родном ему

⁴⁶ Бердяев Н. А. *Судьба России*. - М. - Харьков, 1999. С. 288-290.

⁴⁷ Там же. С. 289.

⁴⁸ Карсавин Л. П. Ответ на статью Н. А. Бердяева об “евразийцах” // *Путь*, 1926, № 2. С. 125-126.

Израиле. И действительно, для Шатова-Достоевского богоизбранный русский народ и есть, в сущности, ныне воскресший Израиль”⁴⁹. Таковым было и понимание Шпенглера, который пришел к выводу, что русский народ жаждет своей собственной жизненной формы, собственной религии, своей будущей истории. Его заключение: “Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию”⁵⁰.

Расходясь в трактовках русского мессианизма, многие авторы сходятся, однако, в одном: “Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно отличается от стран Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему. [...] Душа России - не буржуазная душа, - душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. [...] В России в силу религиозного ее характера, всегда устремленного к абсолютному и конечному, человеческое начало не может раскрыться в форме гуманизма, т. е. безрелигиозно”⁵¹.

Известно, что Достоевский в своих романах показал и другие возможные позиции: в *Подростке* студент Крафт стреляется из-за мысли о том, что Россия ни к какой всемирной роли не способна. Смердяков в *Братьях Карамазовых* объявляет Россию сплошным невежеством, страной которую надо завоевать: “Придут французы и покорят ее, а тогда я в Париже открою парикмахерскую”⁵². Многие современные авторы понимают, что такое для России стать Западом. Это значит отказаться от самой себя. “Если Россия становится западной [страной], то православная цивилизация прекращает свое существование”, - пишет, например, С. Хантингтон⁵³.

Помимо духовной составляющей этого вопроса, есть, так сказать, материальный фактор, для которого классические евразийцы нашли очень яркое определение: “географическая обездоленность” России. Афористично эту мысль выразил Солоневич: “Американская свобода, как и американское богатство определяются американской

⁴⁹ Штейнберг А. З. Достоевский и еврейство / Русские эмигранты о Достоевском. - СПб., 1994. С. 120.

⁵⁰ Шпенглер О. Ук. соч., т. 2. С. 201.

⁵¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 293-297.

⁵² Сопоставление этих позиций сделано в очерке В. В. Розанова *Возле “русской идеи”... / Сумерки просвещения*. С. 346-363. Заметим, что здесь Розанов вольно (по памяти) пересказывает “мысли” Смердякова.

⁵³ Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. - New York, 1996. P. 139.

географией - наша свобода и наше богатство ограничены русской географией''⁵⁴. В кругу евразийцев эти выводы формулировались в основном П. Савишким, который показал, что ''на земледельческом укладе южной, юго-восточной и восточной России и некоторых частей Сибири неустранимо останется печать того, что именуется хозяйственной экстенсивностью'', что необходимо развивать внутриконтинентальный обмен, поскольку, при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен, становится реальностью перспектива быть ''задворками мирового хозяйства'' и т. д.⁵⁵.

Понятно, что никакого отношения к классическому евразийству упомянутый выше проект академика Сахарова не имеет, поскольку предполагает строительство Союза по модели США и направлен на американизацию России⁵⁶.

Несмотря на утопичность этого проекта, настроения подобные сахаровским разделяются определенной частью постсоветского общества и, соответственно, облекаются в идеологические формы. Традиционно, в силу известной литературоцентричности отечественной мысли, полем идейной полемики является культурное наследие России. Не всегда эту борьбу определяет то качество, которое Ф. Ницше называл ''интеллектуальной совестью''. Остановимся в этой связи на книге В. К. Кантора, в которой имеется раздел, озаглавленный ''Является ли Россия исторической страной? (К спорам о евразийстве)''.

Заканчивая указанную главу, В. Кантор использует очень весомый, как ему представляется, аргумент - ссылку на непререкаемый для многих читателей авторитет, поэтому позволим себе пространную цитацию: ''... в своей автобиографии истинный, на мой взгляд, выразитель русской народной ментальности поэт Сергей Есенин писал [...]: ''1918 году... началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918-21 гг. За эти годы я был в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках. 1921 г. я женился на А. Дункан и уехал в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании. После заграницы я смотрел на страну свою и события по-другому. Наше едва остывшее кочевье мне не нравится. Мне нравится цивилизация''. Итак, - делает вывод Кантор, - он прошел все главные пункты евразийского континента, поглядел на них воочию, затем сравнил с Европой, и - выбрал

⁵⁴ Солоневич И. Л. Народная монархия. - М., 1991. С. 48. Из последних публикаций, рассматривающих вопрос в этом направлении, в первую очередь можно назвать книгу А. П. Паршева *Почему Россия не Америка*. Книга для тех, кто остается здесь. - М., 1999.

⁵⁵ Савишкий П. Н. Ук. соч. 335. 398-419.

⁵⁶ Кургинян С. Ук. соч.

цивилизацию”⁵⁷. Мы же пока не станем делать выводов и продолжим данную цитату из автобиографии С. Есенина. Поэт говорит буквально следующее: “Но я очень не люблю Америки. Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба, немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом по ветру тошая лошаденка. Это не то что небоскребы, которые дали пока только Рокфеллера и Маккормика, но зато это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др. Прежде всего я люблю выявление органического...”⁵⁸.

Таким образом С. Есенин в нескольких фразах выражает то, что евразиец П. Савицкий называл смычкой понятия “месторазвития” (этот термин был введен в научный оборот самим Савицким) с понятием культурно-исторического типа, которое было предложено Данилевским⁵⁹. Все это, заметим, делается поэтом спонтанно, что намного повышает ценность данного свидетельства в пользу правоты той историософии, для которой определение России как особого исторического мира является основной категорией мышления⁶⁰.

2) Следующим, по классификации С. Е. Кургиняна, идет евразийство неофашистское. Это антимондиалистская доктрина, опирающаяся на антитезу: континентализм - атлантизм. Его идеологами (А. Г. Дугин и др.) это направление именуется “неоевразийством”. Речь идет о доктрине, сформированной в 1990-1994 гг. группой авторов, в то время сотрудничавших в газете “День” (позже “Завтра”) и в журналах “Гиперборея” и “Элементы”. Основное место в системе их взглядов занимает

⁵⁷ Кантор В. К. “...Есть европейская держава”. Россия: трудный путь к цивилизации. Историософские очерки. - М., 1997. С. 105. Надо сказать, что разговоры (там же. С. 98-99) о “маленькой Швеции”, которая “осмеливается замахнуться на северного колосса” (это о первоклассной европейской державе времен Карла XII), вызывают также большое сомнение в профессиональной исторической подготовке автора.

⁵⁸ Есенин С. А. Собр. соч. в 5-ти тт. Т. 5. - М., 1962. С. 18.

⁵⁹ Савицкий П. Н. Ук. соч. С. 290.

⁶⁰ Более того. В данном случае (в автобиографии), а также и в стихотворении *Этой грусти теперь не рассыпать* (Собр. соч. в 5-ти тт. Т. 2. - М., 1961. С. 166) Есенин повторяет почти дословно заключительный пассаж из статьи Блока об Аполлоне Григорьеве (см. Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. - М., 1997. С. 434-435). Этот русский почвенник не боялся, например, утверждать, что “есть вопрос и глубже и обширнее по своему значению всех наших вопросов - и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о, ужас!) о политической свободе. Это вопрос о нашей умственной и нравственной *самостоятельности*” (цит. по: Блок А. Судьба Аполлона Григорьеве / Собр. соч. в 6-ти т. Т. 4. - Л., 1982. С. 218).

геополитика. По Дугину, очевидно разделяющему ницшеанский тезис о том, что воля к жизни означает волю к власти, "геополитика - это наука править" ⁶¹. Несмотря на то что в области геополитики в свое время плодотворно работали отечественные ученые (в первую очередь, Д. И. Менделеев, П. Н. Савицкий и В. П. Семенов-Тянь-Шанский ⁶²), в СССР геополитика долгое время игнорировалась ⁶³. Вероятно, этим в некоторой степени может быть объяснен тот восторг неофита, с которым Дугин обращается к сочинениям зарубежных классиков геополитики ⁶⁴. Соответственно и некоторые рецепты "неоевразийцев" просрочены уже минимум лет на сто. Кроме того, Дугин широко использует идеи "европейских континенталистов" (К. Хаусхофер, К. Шмитт, Ж. Тириар и др.), что и дает повод Кургияну охарактеризовать этот тип современного евразийства как неонацистский ⁶⁵.

При знакомстве с "неоевразийством" А. Дугина обращает на себя внимание механистический характер этой доктрины, а также незначительность места, которое отводится проблематике культуры. Происходит абсолютизация геополитики, которая

⁶¹ Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М., 1997. С. 14.

⁶² См., например: Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии. - Пг., 1915.

⁶³ Геополитика в СССР была официально признана "буржуазной псевдо-наукой". Но на деле функции геополитики выполнялись совокупностью других дисциплин: стратегией, военной географией и т. д. Как пишет Г. А. Зюганов, "сталинская модель российской геополитики в ее полном развитии к середине XX в. явилась долгожданным синтезом двух традиционных русских геополитических концепций: имперской - с ее идеей государственной самодостаточности и панславянской - с ее идеей Славянского Большого пространства" (Зюганов Г. А. География победы. Основы российской геополитики. - М., 1998. 2-ое изд. С. 127).

⁶⁴ В последние годы вышли сборники работ основателей классического евразийства (П. Н. Савицкий. Континент Евразия. - М., 1997; Н. Н. Алексеев. Русский народ и государство. - М., 1998), составителем которых является А. Г. Дугин. В комментариях к текстам русских евразийцев Дугин обнаруживает некоторую безапелляционность (например, Карсавин, по Дугину, - мыслитель "довольно ординарный". См. Алексеев Н. Н. Ук. соч. С. 5), а иногда и недостаточное знание предмета: "Трубецкой - чистый интеллигент, не склонный к политическому активизму", "у Савицкого Гумилев заимствует все основные положения своей собственной теории этногенеза" (см. Савицкий П. Н. Ук. соч. С. 437-438). Там же Дугин повторяет легенду о том, что Савицкий и Л. Н. Гумилев познакомились друг с другом в сталинских лагерях, что не соответствует действительности: их первая личная встреча имела место в 1966 г. на археологическом конгрессе в Праге (см. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисл. С. Б. Лаврова. - М., 1993. С. 13. примеч. 1).

⁶⁵ Известно, что евразийцы-классики были знакомы с идеями отдельных представителей немецкой консервативной революции. Например, евразиец А. Антипов, рассмотревший в 1933 г. программы некоторых группировок этого направления, сделал вывод, что реализация подобных программ неминуемо приведет к столкновению Германии с Россией (см. Люкс Л. Евразийство и консервативная революция. Соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии, 1996, № 3. С. 67).

является в сущности дисциплиной вспомогательной. Автор занимается конструированием стратегических объединений на базе универсального принципа "общего врага", что закономерно приводит к выводу о существовании "естественных союзников". При этом часто игнорируется и исторический опыт, и то, что И. Солоневич называл "доминантой народного характера" (отчасти этот параметр учитывается лишь по отношению к русским). У "неоевразийцев" все подчинено одной цели - созданию геополитической альтернативы США. Однако, при этом не прописываются ни конечная цель таких усилий, ни цена эти усилий, что в значительной степени придает всей этой доктрине крайне схоластический характер, несмотря на видимую приземленность различных геополитических схем. В только что вышедшее третье издание книги Дугина включен раздел "Мыслить пространством", в котором, по мнению автора, показана взаимосвязь геополитического подхода с этническими, культурными, религиозными историческими и философскими контекстами. "По сути это первая попытка придать геополитике характер фундаментальной гуманитарной науки, охватывающей не только практические сферы международной политики и стратегии, но и глубинные социологические и мировоззренческие пласты общественного бытия," - пишет Дугин⁶⁶. Все же, несмотря на такую заявку, пространство Дугина по-прежнему остается, на наш взгляд, виртуальным, и от этого не избавляет никакая "двойная логика" (термин А. Дугина).

Можно также утверждать, что, помимо уже упомянутой причины, появление "неоевразийства" и его последующая популярность были вызваны еще рядом факторов, в частности, постепенным укоренением в массовом сознании понятия о *geopolitik* как о норме. В свое время Н. Я. Данилевский подвергался обвинениям в пиничности и аморализме за свои взгляды на естественный характер отношений между государствами. Относительно применения правил христианской нравственности он писал следующее: "Требование нравственного образа действий есть ни что иное, как требование самопожертвования. Самопожертвование есть высший нравственный закон. [...] Но единственное основание для самопожертвования есть бессмертие, вечность внутренней сущности человека... [...] Но государство и народ суть явления преходящие, существующие только во времени, и следовательно, только на требования этого их временного существования могут основываться законы их деятельности, то есть политики. Этим не оправдывается маккиавелизм, а утверждается только, что всякому

⁶⁶ Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. - М., 1999, 3-е изд., дополн. С. 3.

свое, что для всякого разряда существ и явлений есть свой закон. "Око за око, зуб за зуб", - строгое правило, Бентамовский принцип утилитарности, то есть здраво понятой пользы, - вот закон отношений государства к государству. Тут нет места закону любви и самопожертвования. Не к месту примененный, этот высший нравственный закон принимает вид мистицизма и сентиментальности, как мы видели тому пример в блаженной памяти Священном союзе" ⁶⁷.

Надо сказать, что до сих пор идеи Священного союза находят себе сторонников. Так, А. Л. Янов констатирует: "... никакого существенного прогресса в обустройстве мировой политики с первобытных времен *не произошло*. По-прежнему мало чем отличается она от политики дикарей" ⁶⁸. Поэтому Янов предлагает вновь создать нечто подобное Священному Союзу: "... ведь все, что для этого требуется, - капелька политического воображения и хотя бы школьное знание истории..." ⁶⁹. Однако в книге Данилевского, которую, по данным того же Янова, рекомендовали преподавателям в качестве настольного пособия еще при Александре III ⁷⁰, сказано: "Заметим, кстати, что начало здраво понятой пользы, очевидно, недостаточное и негодное как основание нравственности, должно дать гораздо лучшие результаты как принцип политический по той весьма простой причине, что он применяется здесь к своему настоящему месту. В самом деле, в течение долговечной жизни государства есть большое вероятно, что угроза, служащая основой утилитарного начала, то есть его санкции, заключающаяся в словах: "...ею же мерою мерите - возмерится и вам", - успеет возыметь свое действие; тогда же как в кратковременную жизнь человека каждый, имеющий достаточно средств, власти, хитрости, может весьма основательно надеяться, что ему удастся избежать последствий, выраженных в приведенных словах" ⁷¹. Если согласиться с вышеприведенным принципом, а возражать против него трудно, то есть ли смысл возмущаться и пугать американского обывателя платоновским планом уничтожения Америки? Тем более терять при этом чувство юмора: ведь текст О. Платонова "У Америки нет будущего" ⁷² - это пародия на

⁶⁷ Данилевский Н. Я. Ук. соч. С. 26-27.

⁶⁸ Янов А. Л. Россия против России. Очерки истории русского национализма, 1825-1921. - Новосибирск, 1999. С. 55-57.

⁶⁹ Там же. С. 62.

⁷⁰ Там же. С. 163.

⁷¹ Данилевский Н. Я. Ук. соч. С. 27.

⁷² Янов А. Л. После Ельцина. "Веймарская" Россия. - М., 1995. С. 238-241.

пресловутый план А. Даллеса вкупе с меморандумом об угнетенной Козакии и пр. Или А. Янову неизвестны оригиналы (например, закон PL 86-90 американского Конгресса 1959 г.)? Что ж, как говорит С. Хантингтон, "человеку свойственно ненавидеть"⁷³. Видимо, неслучайно до сих пор процветают такие политические динозавры как З. Бжезинский, предложивший не так давно собственный план раздела России (с приложением любовно вычерченной карты)⁷⁴. На этом фоне геополитические упражнения А. Дугина выглядят детскими забавами. Пока. Пора бы уже понять, что "идеологическое сверхоружие - палка о двух концах. [...] Газы во второй мировой войне никто не применял на фронте. Знали: "себе дороже"⁷⁵.

3) Еще одним видом современного евразийства является, по Кургиняну, превращенная форма старого русско-имперского евразийства в "духе апологетики Золотой Орды и объявления Орды эталоном строительства Российского государства". Этот вид, считает Кургинян, существует в двух вариантах - позитивном и негативном. Позитивный вариант - Л. Гумилев. Здесь феномен преемственности «Орда - Российская империя» берется со знаком плюс. Негативный вариант - от галицийских русофобов до В. Новодворской. Здесь приравнение москвитства к ордынству есть главное обвинение России, ее дикарству, ее "неисправимой варварскости"⁷⁶.

Заметим, что адекватную оценку "золотоордынского вклада" в историю государства российского, пожалуй, еще предстоит сделать. Это также касается взглядов евразийцев на роль "татарщины" в истории России. Интересно отметить в этой связи тот факт, что один из наиболее эрудированных на сегодняшний день исследователей

⁷³ Huntington S. P. Op. cit. P. 130.

⁷⁴ Brzezinski Z. A Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. 75th Anniversary Issue. September/October 1997, vol. 76, no. 5. P. 56-57, 60. Эта статья в русском переводе (правда, без карты) была опубликована в "Независимой газете" 24 октября 1997. С. 5. Недочет, однако, вскоре был исправлен. Карту "Конфедеративной России", по которой Приморье отходит "Великому Китаю", Южные Курилы принадлежат конклаву "США-Япония", а Северный Кавказ, Калининградская область и даже С. Петербург отданы "Атлантистской Европе", опубликовала (с соответствующими комментариями) газета "Завтра", ноябрь 1997, № 46. С. 5.

⁷⁵ Галковский Д. Ук. соч. С. 540.

⁷⁶ В общем таких же взглядов придерживался К. Маркс: "Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира" (цит. по: Л. Н. Гумилев. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи / Предисл. В. Ю. Ермолаева. - М., 1994. С. 478).

евразийства А. Соболев объявляет сочинение Трубецкого *Наследие Чингисхана* всего лишь ярким памфлетом, написанным на потребу комсомольцам ⁷⁷. Упомянем также попытки ревизии евразийских трудов Г. Вернадского, предпринятые Ч. Гальпериним ⁷⁸. В любом случае, рассуждающий на данные темы должен сделать свой выбор, чтобы не оказаться в положении А. Янова, который, в одном месте, - критикуя современных российских либералов, пишет: "Неясно [...], какие "естественные традиции" либерализма удалось им отыскать в полутысячелетней и неизменно автократической имперской истории"⁷⁹, а в другом, - споря с русофобом К. Марксом, объявляет Москву колыбелью европейского либерализма ⁸⁰.

Что же касается пассионарной теории этногенеза, разработанной еще в семидесятих годах Л. Н. Гумилевым, то - согласно версии Янова, выдвинутой в 1992 г., эта концепция могла стать "идеальным фундаментом российской "коричневой" идеологии" ⁸¹. Янов, однако, не первый, кто бросил Гумилеву обвинения в фашизме. Например, смесь фальшивки с доносом представляет следующий пассаж из опубликованной в 1990 г. в

⁷⁷ Соболев А. Уроки евразийства / Евразийская перспектива. С. 43. Сочинение Трубецкого "Наследие Чингис-хана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока" было опубликовано в 1925 г. под инициалами И. Р. Согласно гипотезе О. Бёсса, этот псевдоним был составлен из вторых букв имени автора - Николай Трубецкой (см. *The Legacy of Genghiz Khan*. P. 342), но по показаниям Л. П. Карсавина, подпись И. Р. означала "Из России" (см. *Вопросы философии*, 1992, № 2. С. 85).

⁷⁸ Halperin Ch. J. *George Vernadsky, Eurasianism, the Mongols, and Russia* // *Slavic Review*, 1982, no. 3. Как замечает А. Либерман, "Гальперин доказал, к своему удовольствию, что когда Вернадский следовал евразийским принципам, он писал ерунду. Он, однако, также показал, что Вернадский, за небольшими отклонениями, оставался евразийцем на протяжении всей своей жизни. Какой же тогда смысл писать о нем объемную монографию, которая открывается теплым биографическим очерком? В чем же привлекательность Вернадского для такого красноречивого критика как Гальперин?" (*The Legacy of Genghiz Khan*. P. 351-352).

⁷⁹ Янов А. Л. *После Ельцина. "Веймарская Россия"*. С. 87.

⁸⁰ Янов пишет: "... архивные находки постсталинских десятилетий камня на камне не оставили от геополитических фантазий евразийцев, Гумилева и Зюганова. Оказалось, что вышла Москва из-под ига вовсе не наследницей татарщины, а как раз напротив - ее антагонистом. Вышла европейским и либеральным государством, едва ли не самым политически прогрессивным в тогдашней Европе. Во всяком случае, борьбу за церковную Реформацию, которая безусловно была тогда главным политическим событием европейской истории (какая уж там, право, церковная Реформация в Золотой Орде?), Москва начала на поколение раньше других. И религиозно-идеологическому плюрализму, сопровождавшему эту борьбу, могли позавидовать самые развитые страны того времени. И местное самоуправление введено было в ней намного раньше, нежели во Франции, не говоря уже о Германии. И с введением суда присяжных опередила ее лишь Англия" (*Российские либералы против русской истории // Дружба народов*, 1996, № 11. С. 113).

⁸¹ Янов А. Л. *Учение Льва Гумилева // Свободная мысль*, 1992, № 17. 114; Он же. *После Ельцина. "Веймарская Россия"*. С. 212.

США книги М. Хонера *Что такое для нас Азия?*: “Странная теория Гумилева имеет поразительное сходство с расовыми доктринами национал-социализма. Он распространяет идеи, предписывающие расовую сегрегацию и евгенические законы, запрещающие межэтнические (экзогамные) браки - особенно между [представителями] славяно-православного и тюрко-мусульманского “суперэтносов”, обосновывая это тем, что такие браки приводят к культурным, политическим и генетическим деформациям. Считает ли Гумилев, что СССР следует принять политику апартеида, взяв за образец анахронистичный и осужденный международным сообществом пример Южно-Африканской Республики? Несмотря на то что Гумилев официально подвергся суровой критике, он продолжает развивать свои идеи (которые распространяются все шире и шире) в Ленинградском университете и не только там”⁸².

Справедливости ради, следует отметить, что сегодняшние неангажированные критики Гумилева ставят ему в вину лишь неакадемизм, антиевропеизм и тюркофильство⁸³.

В целом теория Гумилева представляет собой удачную попытку междисциплинарного синтеза и, будучи таковой, не страдает от неизбежного в данном случае наличия упущений и неточностей частного рода. Опровергнуть эту теорию можно лишь другой общей теорией, сравнимой с гумилевской по своей глубине и охвату.

Л. Н. Гумилев называл себя “последним евразийцем”, на что имел веские основания. Например, принадлежность работ Гумилева классической евразийской традиции признавал

⁸² Hauner M. *What is Asia to us? Russia's Asian heartland yesterday and today.* - Boston-London, 1990. P. 30-31.

⁸³ См., например, Хоружий С. С. *О старом и новом.* - СПб., 2000. С. 134. Еще один философ, Н. К. Гаврюшин, называет гумилевскую теорию “паранаучной историософской фантастикой” и подкрепляет свою аргументацию следующим примером: “Возникновение монашества Л. Н. Гумилев объясняет «повышенной пассионарностью» (говоря языком традиционной психологии - холерическим темпераментом) «при определенной конфессиональной доминанте». Монашество, по Гумилеву, это как бы умеренный донатизм - без добровольного мученичества, но не без изуверства: «даже сами себя наполовину в землю закапывали, чтобы избежать соблазнов, если те бывали. Так родилось монашество и аскеза. Вслед за этим решительным выводом возникает весьма любопытный вопрос, который тут же получает натурфилософское разрешение: «Было ли это плохо или хорошо? Я бы сказал, - рассуждает Гумилев, - с точки зрения нашей, географической, т. е. с точки зрения охраны природы, - это было очень хорошо, потому что, если бы этих страшных оголтелых пассионариев да выпустить на природу или на людей напустить, так они бы столько дров наломали, что и подумать страшно». Итак, - делает вывод Гаврюшин, - монашество, по Гумилеву, оказывается всецело природным явлением: у него биопсихологические корни и оно оправдывается природной целесообразностью...” (см. *Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола»*) // *Вопросы философии*, 1995, № 6. С. 34). Что тут скажешь? Теория Гумилева - это “Веселая наука”, причем не только в том смысле, как понимал этот термин А. Блок (стремление к цельному знанию, к синтетическому миропониманию), но и в обычном житейском смысле (наличие чувства юмора).

П. Н. Савицкий. Как известно, Гумилев отвергал официальную доктрину существования одного единственного суперэтнуса (единый советский народ) на территории Советского Союза. В своих работах он утверждает, что государственные границы (теперь уже бывшего) СССР захватывают как минимум семь различных суперэтнсов, каждый из которых занимает преимущественно свою особую экологическую нишу или этноландшафтную зону и имеет свою неповторимую историческую судьбу, т. е. оригинальный стереотип поведения и определенную традицию взаимоотношений с соседними суперэтнсами. Принципиальное значение для контакта имеет знак (положительный либо отрицательный) комплиментарности взаимодействующих суперэтнсов.

Положительная комплиментарность двух основных суперэтнсов - Российского и Степного - явилась залогом как создания Московского государства, а вслед за ним и территориального расширения Российской империи, так и нерушимости СССР в годы второй мировой войны. Комплиментарность, по Гумилеву, есть неосознанная и неопределенная какими-либо видимыми причинами взаимная симпатия различных суперэтнсов и даже отдельных персон. Л. Н. Гумилев (вместе со своим учеником К. П. Ивановым) пишет: "Именно комплиментарность послужила поводом для дружбы Александра Невского и сына Батыея Сартака. Но, видимо, она же имела место и на уровне этносов: русских и татар, т. к. политическая зависимость Руси от Сарая не помешала открыть в столице Золотой Орды еще в 1260 г. епископскую кафедру с русским епископом, а затем после "Великой Замятни" принять на Русь бежавших от погрома чингисидов и рядовых монголов, которые, крестившись, пополняли московское войско; их фамилиями наполнена Бархатная книга. Иван IV положил конец политической самостоятельности Орды, но это не помешало говорить в Кремле по-татарски и даже посадить на престол касимовского хана. После штурма Казани геноцида не было, как не было его и после похода Батыея. Наоборот, степняки стали добровольно входить под власть Белого Царя - сначала калмыки и буряты, затем казахи и киргизы. Каждому, кто хоть сколько-нибудь не поверхностно знаком с историей России, ясно, что присоединение Сибири было бы немыслимым без добровольного согласия и взаимного доверия. Подвергать сомнению этот факт - значит подтачивать основную этническую ось российской государственности" ⁸⁴.

⁸⁴ Ритмы Евразии. С. 168-171; Иванов К. П. Проблемы этнической географии. - СПб., 1998. С. 13-16.

Русь стала наследником Золотой Орды. "...московский царь, как преемник ханов этой Орды, теперь стал именоваться "белым царем". Вплоть до XVIII и XIX веков русский император все еще оставался белым ханом (tsagan khan) для калмыков и бурятов. Тот факт, что русский царь является преемником монгольских ханов, создавало благоприятную психологическую ситуацию для распространения царской власти на многие тюркские и монгольские племена. И московские дипломаты сознательно или подсознательно пользовались этой ситуацией. Можно согласиться с мнением Николая Трубецкого, заметившего, что русские унаследовали свою империю от Чингисхана," - писал Г. В. Вернадский ⁸⁵.

Оба, Вернадский и Гумилев, хорошо знали книгу *Чингисхан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV веков* (Белград, 1929). Ее автор-евразиец, доктор Э. Хара - Даван, следующим образом трактовал взгляды евразийцев-классиков на проблему развития национальных культур: "В программе евразийцев дается право и возможность каждой из наций Евразии внести свою индивидуальную национальную культуру, как частицу общей наднациональной культуры, Евразийской, - чем из более разнообразных цветов и запахов составлен будет букет, тем будет он пышнее и ароматнее" ⁸⁶.

Однако евразийская икебана принималась не всеми. Так, не воспринимались идеи Н. С. Трубецкого относительно уровней русской культуры и ее краевых индивидуаций: белорусской, малороссийской, северорусской, донской, сибирской. В полемике с украинскими сепаратистами П. Н. Савицкий постоянно подчеркивал тот факт, что из четырех авторов евразийского манифеста *Исход к Востоку* трое (Флоровский, Сувчинский и Савицкий) теснейшим образом были связаны с Украиной. Он утверждал, что если учитывать происхождение авторов и питавшую их культурную традицию, то евразийство окажется явлением в такой же мере украинским, как и великорусским ⁸⁷.

Надо сказать, что данные соображения, а также другие аргументы евразийцев-классиков оставляют равнодушными сегодняшних украинских евразийцев из Украинской национальной Ассамблеи - Украинской народной самообороны (УНА - УНСО). В своей

⁸⁵ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. - Тверь-Москва, 2000. С.394-395. В соответствии с цветовой географической символикой, бытовавшей в тюрко-монгольском мире, белым цветом обозначался запад. Поэтому Белый царь означает "Царь Запада".

⁸⁶ Хара-Даван Э. Евразийство с точки зрения монгола // Евразийская хроника. - Париж, 1928, вып. 10. С. 30.

⁸⁷ Савицкий П. Н. Континент-Евразия. С. 168.

программе они заявляют следующее: "... украинцы подразделяются на два психологических типа - на козаков и свинопасов. Сегодняшний мир устроен для свинопасов, козаки дискриминированы. Мы хотим, чтобы справедливость была восстановлена. УНА - УНСО сформирует новый облик украинской нации... [...] А свинопасы пусть пасут свиней". Далее выдвигается собственный "евразийский проект": "Отношения между Москвой и Киевом такие, как когда-то были между Сараем и Москвой. [...] В период глобальных перемен Украина готова взять на себя роль лидера, став наиперспективнейшей державой на евразийском просторе. Целые регионы Дальнего Востока, Сибири, Кавказа, Европейская часть РФ, Казахстан заселены украинцами. [...] Украина является главным выразителем славянских интересов и апологетом славянского единства. Украина - лучший друг тюркских народов. [...] Необходимо положить конец исторической шизофрении России: [...] "Кто мы, откуда и куда идем?" [...] Под сенью Святой Софии не нужно искать самого себя. "Ценности чужих миров нам нужны только как трофеи. Иконы мы напишем сами" (Д. Корчинский). [...] Пропаганда украинских ценностей за рубежом должна служить основной цели - расширению рынка сбыта украинских товаров" ⁸⁸. Из программы также можно узнать, что российские маргиналы засоряют мозги соотечественнику словами *геополитика, мондиализм, евразийство, пассионарность*. В общем: "Яка пасіонарність? [...] нам потрібні сотні слів для означення тисяч нюансів, а нам кажуть «пасіонарність»..." ⁸⁹.

По мнению А. Дугина и его "неоевразийцев", главный идеолог УНА - УНСО Д. Корчинский повлиял на идеологию "Нохчи" - чеченского профашистского, антисемитского и русофобского движения, во главе которого стоит М. Удугов. Модели всех этих геополитиков - "третьепутистов" основаны на том, чтобы "попрать великороссов, а затем на их останках основать антиамериканскую зону (исламскую или хохляцкую)". В то же время "реальным выходом третьепутистов исламского толка пока является хаотизация Кавказа, подрыв евразийского сектора. При этом на смену инерциальным просоветским режимам приходит не «горячая исламская консервативная революция», а усобицы окаянного сброда". Дугин утверждает: "Безусловная

⁸⁸ УНА - УНСО: "Хай ненавидять, аби любили". - Київ, 1996. С. 34, 37, 54, 64, 74. См. также: Шатров А. УНА - УНСО готовится к войнам XXI века // Независимое военное обозрение, № 40, 24-30 октября 1997. С. 2.

⁸⁹ УНА - УНСО. "Хай ненавидять...". С. 75.

геополитическая русофилия - это абсолютный императив всей евразийской геополитики"⁹⁰.

Большой разброс мнений относительно евразийства существует в сегодняшнем Татарстане. По мнению директора Института истории АН Татарстана Рафаэля С. Хакимова, "только очень наивные люди могут рассуждать о якобы традиционном историческом "славяно-тюркском единстве"⁹¹. Он пишет: "Татарский этнос всегда ощущал не внешнюю, а внутреннюю угрозу своей безопасности. Для него Китай находится слишком далеко, да и Европа не представляет никакой угрозы. Татары, как впрочем и остальные тюрки и мусульмане в России, не допускались к управлению государством, а потому не могут рассуждать с точки зрения безопасности всей России. Их интересует проблема собственной этнической безопасности. Это вполне естественно. [...] В самом деле, в мире существует тюркская цивилизация - татары, башкиры, якуты, чуваш и другие народы неотъемлемая часть ее. Татарский язык является ключевым в тюркской группе, татары внесли немалый вклад в развитие общетюркской культуры и даже самой идеологии тюркизма. [...] Существует мусульманская цивилизация. Татары не только часть этого огромного мира и не просто исповедуют эту религию, они самый северный форпост ислама и его активные проповедники. Благодаря их усилиям ислам распространился в Казахстане, Киргизии, Сибири и даже Японии. [...] Наконец, татары создали оригинальное течение в исламе - джадидизм, который сегодня называют "евроисламом". Ограничение татар в рамках русской цивилизации практически невозможно, ибо ставит непреодолимые препятствия для его развития. Для татар принципиально важна открытость общественной системы, прямые связи с различными странами мира, прямой выход как на Восток, так и на Запад. Татарская культура всегда была открытой к восприятию передовых ценностей. Стремление сохранить свои традиции и этническую идентичность никогда не мешали татарам изучать другие культуры, в том числе и русскую. Последняя имела огромное влияние на общественное сознание татар в конце XIX - начале XX вв. Русские писатели и мыслители были тогда бесспорными авторитетами для татар. Сегодня нет Толстого, Достоевского, Чехова, Бердяева. Русская философия и культура переживают жесточайший кризис, а поэтому потеряли свою былую притягательность. Татарстану для

⁹⁰ См. материалы в приложении "Евразийское вторжение", № 33 к газете "Завтра", № 40, октябрь 1999. С. 8.

⁹¹ Хаким Р. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка // Панорама-Форум. 1997, № 1. С. 53.

полноценного развития нужен прямой выход на европейскую культуру без посредников. Весь XX век к этому стремились наиболее выдающиеся татарские политики, и сегодня республика вполне готова к самостоятельному вхождению в мировую культуру. В то же время для татар (как впрочем и для Татарстана) жизненно важно распространение в России таких европейских ценностей как права человека и народов, демократические принципы управления страной, признание ненасильственного мира и т. д.⁹² Без таких ценностей сам факт существования татар как этноса оказывается под вопросом. Если "российская цивилизация" будет отгораживаться от них, тогда она окажется в противоречии с устремлениями многих народов России. [...] Евразийство в современной трактовке является идеологическим прикрытием старой и проверенной политики территориальных претензий, это стремление восстановить государство в границах СССР или российской империи, противопоставив при этом свою псевдокультуру как Востоку, так и Западу. [...] Тенденция к восстановлению былой мощи российского государства очень сильна. Соответствующая фразеология присутствует даже у демократически настроенных политиков и она, как показывают чеченские события, далеко не безобидна. Эти силы нуждаются в идеологическом прикрытии, чему может вполне служить евразийство. Таким образом, в лице евразийства мы имеем отнюдь не новую концепцию исторического примирения народов, а очень старую политику восстановления империи, охватывающую основную территорию государства Чипгизидов,"⁹³ - делает заключение Р. Хакимов, аттестованный в одной из недавних публикаций как "ведущий идеолог шаймиевского режима"⁹⁴. Другой из "признанных лидеров «евроислама»" так отзываясь о влиянии русских на татарское самосознание: "Русские духовно больны от насквозь порочной идеи соборности, при коммунистах называвшейся коллективизмом. Эту "соборность" выдают за нечто положительное, а по сути дела она не более чем жалкое оправдание безответственности, лени, воровства и пьянства. Одна из главных целей исламского возрождения татарского народа - преодолеть в себе коллективизм-соборность". "Как слова этого исламского священнослужителя

⁹² Для справки: русское население в Татарстане составляет 45%, в Башкортостане - 50%. Доля русских представителей в составе высшей государственной власти этих субъектов федерации не более 5% (см. Каратаев О. Русские в 2000-м году // Новый Петербург, 5 января 2000, № 1. С. 2).

⁹³ Хаким Р. Ук. соч. С. 55-56, 58-59.

⁹⁴ Воронцова Л., Филатов С. Татарское евразийство: евроислам плюс европравославие // Дружба народов, 1998, № 8. С. 136.

расходятся с чаяниями господ евразийцев!" - восклицают известные специалисты в области дружбы народов Л. Воронцова и С. Филатов ⁹⁵.

Нельзя, однако, утверждать, что евразийские мысли не имеют хождения в Татарстане. Вот, например, как видится евразийский проект Р. Ф. Мухаметдинову - зампреду Ассамблеи тюркских народов СНГ: "Если создавать Евразийский союз на территории СНГ, то, за небольшим исключением, это будет русско-тюркский союз. А как же тогда Турция? Ведь хотим мы того или нет, но турки всегда в духовном, языковом и религиозном плане ориентированы на Турцию. Поэтому я считаю, что создавая Евразийский союз на территории СНГ, нам не следует игнорировать Турцию. [...] Россия и Турция, по-моему, могут стать главными партнерами в новом Евразийском союзе. Следующий момент. Насколько народы тюркского и российского мира готовы стать евразийцами? Мне думается, что именно тюркский мир в культурном, языковом, духовном отношении более близок к идее евразийства. Почему? Тюрки двуязычны. Они знают западный язык - русский и азиатский - тюркский. Во всех тюркских республиках громадный процент русского населения, то есть западного мира. Они живут в тесном контакте и готовы принять как европейскую, так и азиатскую культуру. Что касается русского общества в целом, то оно к восприятию евразийской идеи менее готово. Поэтому я считаю, что в духовном плане идея евразийства должна осуществляться через вхождение русского общества в тюркское. Прежде всего это касается 25 миллионов русских, которые оказались за пределами России - в азиатско-тюркских республиках. Таким образом, союз России, Турции и тюркских республик может представлять собой в перспективе интересное сообщество - ни типично западное, ни традиционно восточное". Это цитата из выступления на "круглом столе" *Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции* (Казань, 1995 г.). Нужно с уважением отнестись к этому мнению, поскольку, как на том же форуме напомнил собравшимся вице-президент Республики Татарстан, "... именно Казань в проектах президента Казахстана предложена в качестве столицы будущего Евразийского Союза. [...] И, к слову сказать, население республики спокойно и с достоинством отнеслось к предложению Назарбаева" ⁹⁶.

Одним из итогов обсуждения евразийства на упомянутом "круглом столе" стали слова Р. Б. Рыбакова - директора Института востоковедения РАН: "До приезда сюда у

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции* (Материалы "круглого стола") / Клуб "Реалисты". Информационно-аналитический бюллетень, № 16. - М., 1996. С. 8, 18.

меня было опасение, и теперь оно полностью оправдалось: все выступающие под словом евразийство понимают разные вещи”⁹⁷. Судя по опубликованным материалам, хозяевами конференции не были восприняты ни кинематографичность С. Е. Кургиняна, ни фактографичность В. В. Кожина. Приглашенные авторы оказались, если прибегнуть к поэтико-исторической аналогии, в положении Виллема Рубрука. В общем: “Здесь пели две клавиатуры // На двух различных языках”⁹⁸.

3

Понятно, что представить сколько-нибудь полную картину состояния российского государства в рамках данной статьи просто невозможно. Тем не менее мы должны уделить внимание ряду обстоятельств, которые, как представляется, определяют перспективы практической реализации идей евразийского спектра в условиях России как трансрегиональной державы.

Важнейшим таким фактором, безусловно, является Русский вопрос⁹⁹. Именно от разрешения этого вопроса зависит будущее Евразии. По мнению К. Г. Мяло, классическое евразийство исходило из “признания, как самоочевидности, системообразующей, государствообразующей, и культуuroобразующей¹⁰⁰ роли русского этноса”, а также из понимания Евразии “как евразийского мира развивающейся православной культуры”¹⁰¹. Заметим, однако, что такое понимание было присуще не всем евразийцам. Если подобные взгляды разделяли, скажем, Савицкий и Карсавин, то Трубеткой, например, выдвигал концепцию единой многонародной евразийской нации и, соответственно, ставил задачи

⁹⁷ Там же. С. 51.

⁹⁸ Заболоцкий Н. “Как было трудно разговаривать с монголами” // Столбы и поэмы. Стихотворения. - М., 1989. С. 312.

⁹⁹ Вловин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. - М., 1998. С. 424.

¹⁰⁰ Здесь, наверное, следует сделать акцент на отличии культуuroобразующей роли от роли культуrтрегерской. Приведем пример из музыкальной сферы. “Можно утверждать, - пишет Т. Чередниченко, - что Бородин был первым русским композитором, который не просто воссоздал (убедительно стилизовал) «восточную музыку», но без всякого цитирования (да и о каком цитировании может идти речь применительно к исчезнувшему народу?) - создал «музыку Востока». Он создал ее сам, без всяких этномузыкальных штудий. Это, конечно, фантастика. Но только не было бы никакого «Танца с саблями», вообще никакого вхождения «восточности» в мировой репертуар, если бы не половецкие спены «Князя Игоря»” (Чередниченко Т. Русская музыка и геополитика // Новый мир, 1995, № 6. С. 196-197).

¹⁰¹ Мяло К. Русский вопрос и евразийская перспектива / Евразийская перспектива. С. 102.

“по перевоспитанию национального сознания”¹⁰². Что касается Гумилева, то, как мы видели, он выделял в качестве ведущих два суперэтнуса¹⁰³ с положительной комплиментарностью. Сама К. Мяло в своих работах предпочитает употреблять следующую формулу: “Россия - это русские и тяготеющие к ним народы”¹⁰⁴.

Видимо, именно на посылке взаимного тяготения российского и степного суперэтнуса базируются предложения академика Н. Н. Моисеева относительно развития цивилизации Севера Евразии (Белоруссия - Россия - Казахстан - Монголия) при сохранении симбиоза с Югом, т. е. с исламским миром¹⁰⁵.

Эти предложения учитывают также геометрическую рациональность геополитического пространства России. “Самый короткий, быстрый и дешевый путь, связывающий Тихоокеанский и Атлантический регионы, лежит через Россию. Переоценить этот фактор нельзя... Северный морской путь в два раза сократит дорогу из Европы в Японию и Китай. Он не только в два раза короче, но и в 1,6 раза дешевле других путей”¹⁰⁶. “Развитие этого пути, - пишет академик, - с одновременным строительством порта в устье р. Индиги позволит превратить север Баренцева моря в новый вариант Персидского залива, а создание железнодорожного перехода Ивдель-Печора даст еще один терминал для Великого Сибирского железнодорожного пути”¹⁰⁷.

На Севере, а это 40% территории России, сосредоточено около 60% всех природных ресурсов страны. В 1989 г. по Севморпути было перевезено 7 млн тонн грузов, сегодня через этот путь проходит 1,5 млн тонн грузов в год. Севморпуть умирает. Пустеет русский Север. Атомный ледокольный флот практически выработал свои ресурсы, а на новую ледокольную программу, по подсчетам специалистов, требуется 20 миллиардов долларов¹⁰⁸.

¹⁰² Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. С. 425-427.

¹⁰³ Трубецкой не употреблял термина “этнос”, заменяя его русским словом “лик”, а “понятие “суперэтнос” - “многонародной личностью” в совокупности с ее физическим окружением.

¹⁰⁴ Мяло К. Ук. соч. С. 111. См. также: Нарочницкая Н., Мяло К. Еще раз о “евразийском соблазне” // Наш современник, 1995, № 4. С. 128-137.

¹⁰⁵ Моисеев Н. Н. Русский вопрос // Москва, 1997, № 7. С. 149-150.

¹⁰⁶ Моисеев Н. Н. Как далеко до завтрашнего дня. - М., 1994. С. 283.

¹⁰⁷ Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. - М., 1997. 118.

¹⁰⁸ См. Федоров Н. Конец и начало дорог // СПб. Ведомости, 11 февраля 2000. С. 3.

Мы приводим этот пример в качестве иллюстрации одной из самых серьезных проблем, стоящих сегодня перед Россией. Проблема эта - резкое сокращение (в 2,5 раза) и износ основных фондов. Несмотря на пятикратное сокращение реальных доходов населения за последние восемь лет, уровень жизни в целом упал не столь заметно. Однако в ближайшие годы в стране ожидается массовое выбытие жилищного фонда, основных производственных и социальных фондов, а также транспортной инфраструктуры ¹⁰⁹. Уже есть ряд территорий, где экономика находится за чертой выживания. Остановить этот процесс можно только в условиях жесткого централизованного управления ¹¹⁰. Иной путь ведет к распаду страны. При таком варианте в мировую рыночную экономику смогут войти только анклав, стягивающие ресурсы других регионов, например: Московия или Ингерманландия ¹¹¹.

Поэтому, помимо идеи развития Севморпути и сохранения за Россией роли континентального евразийского моста ¹¹², российскими учеными выдвигаются проекты так называемого "опережающего развития". Одно из возможных направлений такого скачка - критика "цивилизации заменителей", культ натуральных продуктов и естественных образцов. Учитывая богатство своих природных ресурсов, Россия, по мнению сторонников этой идеи, могла бы усмотреть в этом реванше естественного над

¹⁰⁹ Гильбо Е. На рубеже - 2 // Новый Петербург, № 1, 5 января 2000. С. 2.

¹¹⁰ См., например, тезисы С. Е. Кургиняна в: Евразийский проект: реальности, проблемы, концепции (Материалы "круглого стола"). С. 47.

¹¹¹ Гильбо Е. Ук. соч.; Котов А. Станет ли Северо-Запад независимым после распада России? // Новый Петербург, № 46, 27 ноября 1997. С. 2; Хорев Б. Ехали по шерсть... // Завтра, № 8, февраль 2000. С. 7.

¹¹² Особую важность для России представляет сохранение роли Транссибирской магистрали. Этим объясняется то пристальное внимание, с которым в России в последние годы следят за разработкой и реализацией серии проектов "Новый шелковый путь" (см., например, критику Туманганского проекта в: Кургинян С., Бардахчиев Ю., Дмитриев М. "Туманган" - символ поражения // Завтра, № 15, 1996. С. 4). Инициатива строительства нового Евразийского континентального моста исходила от Китая. В основу проектов были положены идеи американского экономиста, видного представителя школы "физической экономики" Линдона Лароша (Ла Руша). В Германии этот проект разрабатывался Международным Шиллеровским институтом (подробнее см.: Евразийский континентальный мост - проект XXI века // Институт Дальнего Востока РАН. Информационные материалы. Сер. Международные отношения стран Северо-Восточной Азии. Вып. 5. - Москва, 1998). В настоящее время через Транссиб проходит менее десяти тыс. контейнеров в год. Десять лет назад их было в 14 раз больше. В связи с этим новосибирскими учеными выдвигается проект реконструкции Транссиба, включающий в себя создание вдоль транссибирского транспортного коридора ряда мультимодальных транспортных узлов. По существующим подсчетам, реализация этого проекта предоставит возможность уже через пять лет перевозить по Транссибу не менее полутора миллионов контейнеров в год, т. е. осуществлять половину нынешних ежегодных контейнерных перевозок между Европой и Азией (см. Дубровин И. Второе дыхание Транссиба // Комсомольская правда, 26 марта 2000. С. 5).

искусственным шансом выйти на рынки богатых стран - потребителей натуральных изделий и создать альтернативный проект постиндустриального будущего. "Миф новой натуральной экономики мог бы стать основой воссоздания мощного сибирского мифа русской культуры," - пишет А. С. Панарин. "Сибирский миф не раз выручал Россию [...], последний раз это произошло осенью 1941 г. Сегодня сибирский миф мог бы сыграть роль идейной основы для поворота России к союзу с Китаем. Экономика натуральных продуктов требует не только изобилия сырья, но и изобилия рабочих рук". На этой базе, считает Панарин, мог бы сложиться экономический и геостратегический симбиоз России и Китая, в рамках которого эти страны дополняли бы друг друга ¹¹³.

Несмотря на внешнюю привлекательность, эта идея весьма уязвима для критики. Во-первых, при упоминании "сибирского мифа" в памяти всплывают имена не только Ломоносова и Менделеева, но и имя барона Унгерна. Во-вторых, если предполагается широкое использование китайской рабочей силы, то это со временем может привести к китаизации Сибири. В третьих, не учитывается экологическая составляющая: кислотные дожди, вызванные огромным потреблением промышленностью Китая угля с высоким содержанием серы, уже сейчас угрожают сибирским лесам, но их пагубное действие станет особенно заметным к 2010 г., когда Китай, по существующим оценкам, превратится в главного генератора кислотных дождей на планете. Вряд ли это будет способствовать увеличению производства натурпродукта в Сибири ¹¹⁴.

Вместе с тем обращение Панарина к сибирской проблематике является по существу верным, поскольку после отхода из Европы Урало-Сибирь приобретает качества стержневого, срединного ареала, которым синтезируется и держится российская государственность. "Рациональная стратегия внутренней геополитики, - пишет В. Л. Цымбурский, - требовала бы серьезного перераспределения композиционной значимости Нижнего Поволжья в пользу некоего иного района, способного при большей безопасности для внешних воздействий выполнить сходную миссию в связывании России пред- и зауральской. В качестве такого узла отчетливо выделяется юго-запад Сибири, верховья обско-иртышского бассейна с охватом Тюмени, Новосибирска, Тобольска, Томска. Это не только место концентрации российских и европейских топливных ресурсов, - не менее важно и его равновесное положение между Старой и Новой Россией и схождение здесь

¹¹³ Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. - М., 1998. С. 350.

¹¹⁴ См. Сорокин К. Э. Геополитика современности и геостратегия России. - М., 1996. С. 105.

железнодорожных путей, устремляющихся в Евророссию через Южный и Северный Урал, в том числе минуя исламские автономии. Сейчас здесь находится подлинное геополитическое сердце России... [...], это сейчас единственный мыслимый плацдарм для подлинного "отыгрыша" и роста российской цивилизации. Роста экстенсивного, вширь - разведками в Северную Сибирь и очаговым в нее внедрением, которое оправдало бы в конце концов идею второго Транссиба до Аляски ¹¹⁵. И, прежде всего, роста интенсивного, который придал бы нашей цивилизации новое [...] "русско-сибирское" качество - соединением в гигантский инновационный комплекс урало-сибирских технологических возможностей с потенциалом главных для нас сегодня тихоокеанских портов" ¹¹⁶. По мнению Цымбурского, "можно утверждать, что при возникновении сильного русского центра в Сибири проблема русского северного Казахстана вскорости была бы разрешена - но вовсе не в назарбаевском духе. Российским патриотам нашего времени их страна все больше видится не в качестве строительницы русско-азиатского Большого Пространства, противостоящего гегемонии Евро-Атлантики, - а как геополитическая платформа русской цивилизации, четко выделяющаяся в этом смысле среди окрестных евразийских протяженностей". Нынешнюю фазу российской истории Цымбурский называет "контрэвразийской", т. е. такой, "когда русские оказываются перед сложнейшей задачей - отстоять себя, свой уклад и свое "ядровое" цивилизационное пространство в отношениях как с крупнейшими силами Евро-Атлантики и Азии, так и с массами евразийских и околоевропейских народов, в разное время и в разной форме входивших в сферу нашей империи. В таких условиях тема восточного Центра тоже обретает совсем не евразийский смысл: эта тема нераскрытых, резервных потенций русского пространства, тех потенций, которые от взгляда из Москвы часто заслоняются галлюцинаторными порождениями великоимперских, в том числе традиционно-евразийских переживаний". Цымбурский подчеркивает, что "пока мы исходим из естественности пребывания русского центра на крайнем западе нашей платформы, а также из ориентированности большей части наших хозяйственных связей на Европу, как из данности навечной, у нас нет никакой возможности свести три вызова - китайский,

¹¹⁵ Учитывая эти факторы, понятна та настороженность, с которой многие в России относятся к программе строительства магистрали Уэлен - Якутск, подготовленной американской корпорацией "Трансконтиненталь" (см. Лавров С. "Остаться не лишней страной, а великой державой" // Новый Петербургъ, 12 марта 1998, № 10. С. 6).

¹¹⁶ Цымбурский В. Л. Россия - Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. - М., 2000. С. 112-114.

мирохозяйственный и созданный внутренними диспропорциями - в единый блок с комплексным решением". Речь, таким образом, по глубокому убеждению этого автора, идет "о шансе для нашей цивилизации" 117.

Заметим, что по своей направленности приведенные суждения Цымбурского идут в русле мыслей, высказанных еще Ф. Достоевским. В *Дневнике писателя* за 1881 г. читаем следующее: "... от окна в Европу отвернуться трудно, тут фатум. А между тем Азия - да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем [...]. И если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи - о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, - ведь это тоже наш больной корень, который не только что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело - вот что необходимо! [...] цивилизаторская миссия наша в Азии ... возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, - а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. [...] Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила. [...] Пусть только хоть немного проникнутся (но проникнутся), что в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан [...]. Да, много там наших надежд заключено и много возможностей, о которых мы здесь и понятия еще составить не можем во всем объеме! Не одно только золото там в почве спрятано. Но нужен новый принцип" 118.

Надо подчеркнуть, что идея поворота в Азию не являлась и не является плодом сиюминутной политической конъюнктуры. Напомним, что в 1973 г. - в эпоху наивысшего могущества СССР - такие же взгляды в *Письме вождям Советского Союза*, высказывал А. Солженицын, призывая "сосредоточиться на освоении (в принципах стабильной, непрогрессирующей экономики) русского Северо-Востока -- северо-востока Европейской нашей части, севера Азиатской и главного массива Сибири". По убеждению писателя, "эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации". "Итак, - пишет Солженицын, - наш выход один: чем быстрее, тем спасительнее - перенести тяжесть государственного внимания и центр национальной деятельности (центр расселения, центр поисков молодежи) с далеких континентов, и даже из Европы, и даже с юга нашей страны - на ее Северо-Восток. [...] Это перенесение центра внимания и центра усилий конечно не будет иметь только один географический смысл: не

117 Там же. С. 122-123, 134-135.

118 Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти т. Т. 27. - Л., 1984. С. 35-38.

только с внешних пространств на внутренние, но и с *внешних задач на внутренние*. Во всех смыслах: с внешнего на внутреннее”¹¹⁹.

Основной задачей, по Солженицыну, является сбережение народа. По информации Госкомитета России по статистике, за последние 8 лет население России уменьшилось на 2, 8 млн жителей, или почти на 2%, причем за 1999 г. оно снизилось на 0,5% или на 784,5 тыс. человек. Это самый значительный показатель снижения численности населения России за период с 1992 г.¹²⁰ Эти данные носят обобщенный характер, они не дают сведений о национальном, этническом составе населения. Но, по мнению многих исследователей, наибольшие потери несет государствообразующая нация. Так, по утверждению Н. А. Павлова, отмена переписи населения, которая должна была состояться в январе 1999 г., преследовала одну главную цель: вывести бывшего президента Ельцина из-под обвинения в геноциде русского народа¹²¹.

Тяжесть проблем, с которыми столкнулась Россия требует спокойного и мужественного осмысления. Этим качеством в свое время обладало евразийское учение. Как отмечал Г. В. Флоровский, “мы, “евразийцы”, с самого начала подчеркнули, что наше суждение складывается на основе катастрофического мироощущения, что первое и основное для нас - видение исторического трагизма. А противостоят нам именно те, кто не видит и даже не желает видеть этого трагизма, люди идиллического склада...”¹²².

Трудно поэтому согласиться с А. Солженицыным, считающим классическое евразийство “упадочным желанием, проявлением духовной слабости”. Более взвешена его оценка относительно современных форм евразийства. Солженицын пишет, что у одних это “упадок мужества, упадок веры в силы русского народа; у других - прикрытая форма желательного им восстановления СССР. Но это, - по мнению писателя, - отказ от русского культурного своеобразия, от тысячелетия за нашей спиной, - он повлечет к утоплению редющего русского народа в бурно растущем мусульманском большинстве.

¹¹⁹ Солженицын А. И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. - Ярославль, 1995. С. 163-167.

¹²⁰ СПб. Ведомости, 22 февраля 2000. С. 1. Кроме того, за последние 10 лет число наркоманов в России выросло в 10 раз и превышает сегодня 2 млн человек (СПб. Ведомости, 27 января 2000. С. 3).

¹²¹ Московский литератор, апрель 1999, № 6-7. С. 5. См. также: Павлов Н. А. Демографическая война // Наш современник, 1999, № 2. С. 156-165.

¹²² Флоровский Г. В. Окаменелое бесчувствие (по поводу полемики против евразийства) // Путь, 1926, № 2. С. 129. Вспомним в этой связи слова А. Блока о том, что “оптимизм вообще - несложное и небогатое мирозерцание, обыкновенно исключаящее возможность взглянуть на мир как на целое” (А. Блок. Крушение гуманизма. С. 338).

Если нам грозит национальная гибель - то не здесь спасение. Если мы выстоим - то только на кремнистом пути нашего самостояния, всей протяженной длительности нашей государственности, культуры и православной веры. А не выстоим - значит, рухнем"¹²³.

Негарантированность исторического будущего страны, а речь идет именно об этом, придает исключительную важность постановке вопроса о значении политической воли. Любопытно, что здесь, по мнению А. С. Панарина, "тюркская прививка оказывается мощным подспорьем геополитического творчества - волевого овладения большим пространством..."¹²⁴. Однако в нынешней ситуации даже преодоление дефицита воли уже не является достаточным условием сохранения государства. "Пора понять, - пишет Панарин, - что те или иные геополитические системы поддерживаются соответствующими типами культуры и личности. Сегодняшний геополитический кризис во всем постсоветском пространстве связан с тем, что это пространство не может быть удержано человеком потребительского типа"¹²⁵.

Время требует от России нового подвига. Очевидно, стране предстоит реализовать очередной мобилизационный проект и выдвинуть новую формационную идею. В свое время "самодержавие и крепостное право стали той ценой, которую русский народ должен был заплатить за национальное выживание". Этой знаменитой цитатой из книги Г. Вернадского *Монголы и Русь*¹²⁶, пожалуй, можно закончить данную статью, но при этом следует задуматься, какова будет плата на этот раз.

¹²³ Солженицын А. Россия в обвале. - М., 1998. С. 44-45.

¹²⁴ Панарин А. С. Ук. соч. С. 137.

¹²⁵ Панарин А. С. Ук. соч. С. 358. Более того. У человека потребительского типа нет будущего и на других пространствах. Проблема носит глобальный характер и, как заявляет С. Кургиян, не может быть успешно решена "вне отказа от комфорта, как парадигмы сегодняшней цивилизации", что, в свою очередь, невозможно "без нового религиозного ренессанса". "Выжить нельзя, можно лишь начать жить по-новому." - утверждает Кургиян (Кургиян С. Седьмой сценарий. Ч. 3: Перед выбором - М., 1992. С.199).

¹²⁶ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. С. 396.

ユーラシア主義と今日のロシアの社会・政治思想

阿部 軍治*・コンスタンチン・ジューコフ

ソ連邦崩壊後、ロシア連邦を中心に旧ソ連邦の領域では未曾有の混乱の中で Kommunismus に理念や思想が希求されるようになった。連邦崩壊期の破局的な状況下で伝統的儀式的教会と結合した民族主義と原理主義をはじめとして、それらの中ではしばしば伝統的なロシア宗教哲学の個々の諸理念が借用されている。そのような場合最も多く利用されるのがイリインの哲学とユーラシア主義者たちの教えである。かくして今日のロシアの社会・政治思想の中ではユーラシア主義が最も主要かつ重要となっている。1997年日本政府は新しい<ユーラシア外交>構想を公にしたが、ユーラシア主義運動はそれとの関連や旧ソ連邦の今後の動向をうらなう上で極めて重要と考える。

現在のユーラシア主義は次の5つの型に類別されよう：1) 旧ロシア帝國的ユーラシア主義、2) “金帳汗国奔護および同汗国をロシア国家建設の原器とする流儀の” そのユーラシア主義の変形形態、3) サーハロフ科学アカデミー会員のユーラシア主義、4) “ネオ・ファシスト”的ユーラシア主義、5) 社会主義的・共産主義的設計としてのユーラシア主義。

本稿ではこれらの中から重要と思われるタイプを中心に考察した。その一つはサーハロフ的ユーラシア主義で、アメリカ合衆国をモデルにした連邦造りを目指し、ベルジャーエフやドストエフスキーにおいて見られる伝統的なメシアニズム的ロシア的理念とは著しく異なるが、自由主義左派等一定の賛同者を持っている。“ネオ・ファシスト”的ユーラシア主義は、ネオ・ユーラシア主義とも呼ばれているが、大西洋主義と大陸国家優先主義を対置したドクトリンをもち、それは右派系のグループによって定式化された。彼らの観念体系において主要な位置を占めているのは地政学なのであるが、本質的には補助的な教科のそれを絶対化し、ヨーロッパの大陸国家優先主義者たちの諸理念を広く利用している。彼らの目的は米国に対抗する地政学的二者択一的ものの創造に帰せられる。上記2)のそのユーラシア主義変形形態論には、否定的な見方と肯定的な見方がある。前者はモスクワ的要素と汗国的要素を同等視して、ロシアとその野蛮性を批判する。後者の代表のひとりとしてたぶんグリョフの理論を挙げることができる。彼は旧ソ連の領域では少なくとも七つの異なる優生民族起源（スーパーエトノス）をもつと主張し、その中の二つの基本的民族起源ロシアとステップのその相互補足性は、モスクワ国家建国とそれに続くロシア帝国の領土拡張、第二次大戦時のソ連邦の確固不拔さの担保であったと

* 筑波大学現代語・現代文化学系教授

する。この型の論は旧ソ連のアジア系諸民族を引き付けてきた。またここではロシアと旧ソ連のイスラム系諸民族との関係、シベリアの意味付け等をかなり詳細に考察した。